

Рембрандт и Спиноза. Исторический вестник 1916. Т. 143. Февраль.

26-го июля 1656 года амстердамские городские власти изгнали из города Спинозу, накануне отлученного раввинами от общины, и в тот же самый день те же власти пустили с аукциона все имущество Рембрандта, все его художественные коллекции и картины.

Исторический этюд г. Андре Копье, напечатанный в январской книжке «Revue de deux Mondes», имеет целью доказать, что между обоими этими событиями существовала несомненная связь.

В 1632 году Рембрандт, зарабатывавший в то время очень большие деньги, купил себе в Амстердаме собственный дом. Дом этот цел и теперь. Он находится на Еврейской Широкой улице (Joden Breederstraat). С задней стороны к нему примыкает дом, где долго жил Спиноза. Этот дом выходит на тихую, малолюдную улицу, представлявшую спокойный уголок в этом кипучем торговом городе, бывшем одно время средоточием всемирного еврейства. Вследствие терпимости к евреям амстердамского населения и властей, Израиль собрался сюда из Испании, Германии, Польши, Италии— всего более сорока тысяч. Евреи находились под властью четырех своих старейшин: Исаака Абоада да-Фонсека, великаго священника синагоги, Оро-био де-Кастро, высокомерного и надменного рабби Саула Леви Монтейры, желавшаго непременно сделать из Спинозы левита, и рабби Манассии-Бен-Израэля. Все эти лица изображены Рембрандтом на его известной гравюре «Португальская синагога».

Наиболее даровитым из них был последний. Он превосходно знал несколько европейских языков, отличался широкими взглядами и терпимостью и семнадцати лет от роду был назначен учителем еврейской школы «Кетер-тора» (Венок веры), где до 1657 года учился Спиноза.

Несмотря на инквизиционные меры, употреблявшиеся главами общины, религиозное сознание амстердамского еврейства было в брожении, которое, как известно, привело в конце концов Спинозу к разрыву с его единоверцами. Не лучше было, впрочем, и у христиан. Там тоже был резкий раскол, последствием которого было отпадение от кальвинизма Рембрандта и образование против него целого заговора.

Как раз около этого времени в Амстердаме появилась секта **меннонитов**, глава которой Ренье Ансло увековечен Рембрандтом на одном из его офортов, находящемся ныне в Берлине. **Меннониты** ведут свое начало от некоего Менно Симонса, жившаго в начале XVI века и учившего, что каждый может понимать и толковать святое писание, как ему подсказывают его разум и совесть. В сущности, **меннониты** были одной из разновидностей анабаптистов, которых так преследовал Лютер.

И вот по странной игре случая еврей Спиноза и кальвинист Рембрандт— оба оказались в лоне **меннонитства**.

С 1639 года против дома Рембрандта поселился Манассия Бен-Израэль. Если принять в соображение это местожительство учителя Спинозы и не забывать тесных связей, которые имел Рембрандт с старейшинами синагоги, то не будет ничего невероятного в предположении, что Спиноза и Рембрандт отлично знали друг друга. Это предположение подтверждается и тем, что впоследствии Спиноза, куда бы судьба его ни заносила, всюду искал для себя общества художников.

Манассия-Бен-Израэль был воинствующим каббалистом и не мало истратил флоринов на каббалистические опыты с неким врачом Эвфраимом Бонусом, стараясь отыскать между прочим и пресловутую Саламандру. В этом деле принимал какое-то участие и Рембрандт, и предание говорить, что эти опыты кончились тем, что молодой художник увлек за собой дочь Эвфраима, вскоре подарившую ему сына. В действительности мы знаем только, что около 1668 года у Рембрандта умер какой-то мальчик, которого он признавал своим сыном. Кстати сказать, Рембрандт был женат на некоей Саскии из богатой кальвинистской семьи и имел от неё сына Тита, умершего юношей. Но, кроме этого Тита, у него было, кажется, еще несколько детей от разных женщин, в том числе и от Гендрики Стоффельс, занявшей в его доме место его рано умершей жены.

Плодом этих увлечений каббалой осталась гравюра Рембрандта «Доктор Фауст», изображающая на самом деле какого-то еврея и имеющая каббалистическую монограмму.

Есть сведения, что на этих каббалистических сеансах у Манассии Бен-Израэля нередко бывал и его ученик Спиноза, и это делает еще более вероятным предположение, что он знал Рембрандта лично, а не по наслышке только, как знаменитого художника.

Несмотря на стремление рабби Саула сделать из Спинозы левита, будущий философ, видимо, не чувствовал призвания к этой карьере и старался как-нибудь отойти от синагоги подальше. Под предлогом необходимости для него хорошенько изучить латинский язык он поселился в семье некоего французского врача-выходца Франсуа ван-дер-Энде, впоследствии повешенного во Франции за участие в заговоре на жизнь дофина. В Амстердаме этот ван-дер-Энде пользовался большим уважением, несмотря на то, что в нем видели—и не без основания—убежденного атеиста.

В этой-то семье Спиноза впервые познакомился с философией Декарта, только что умершего в Стокгольме. Декарт прожил в Голландии тридцать лет и переселился в Швецию по приглашению знаменитой Христины Шведской. Его учение вызвало в Голландии большое раздражение, и это обстоятельство заставило его принять приглашение королевы.

Спиноза так увлекся картезианством, что стал проповедывать его совершенно открыто и попал между двух огней. Учение Декарта одинаково подвергалось преследованию со стороны синагоги и со стороны христиан—лютеран и кальвинистов.

На сторону этого учения стали одни **меннониты**. Они имели в это время в Амстердаме три часовни, свободно исповедовали свою веру, но были ограничены в некоторых правах. Так, например, не могли занимать общественных должностей и не имели права носить шпагу.

Сердечное горе, которое пережил в это время Спиноза, окончательно бросило его в сторону **меннонитов**. Дело в том, что он влюбился в дочь своего учителя ван-дер-Энде—Клэр-Мери, и одно время мог рассчитывать на взаимность. Но подвернулся какой-то немец, по имени Керкеринг, Спиноза был забыт и с разбитым сердцем ушел из дома ван-дер-Энде.

Синагога не могла его утешить в его горе, одни **меннониты** увлекали его своим жаром и религиозной непосредственностью.

Синагога потребовала его возвращения.

Как раз в это время в 1655 году случилось событие, сильно поднявшее религиозный фанатизм и христиан, и евреев. По Голландии который уже раз прошла чума, унесшая множество жертв, особенно в еврейском квартале. Жители Амстердама приписали эпидемию, по обыкновению, гневу Божию за попустительство всяким еретикам, в число которых был внесен евреями и Спиноза. Решено было даже истребить нечестивца, и один фанатик ударил его ножом, но нанес лишь легкую рану. Видя свою неудачу, синагога попробовала было склонить Спинозу к возвращению подкупом, но и это средство осталось без результата.

К этому времени относится любопытный эпизод из истории европейских евреев. Манассия Бен-Израэль отправился к протектору Англии Оливеру Кромвеллю с предложением оригинальной сделки: временщик должен был открыть для евреев беспрепятственный доступ

в Англию и её колонии, где они пользовались бы полной равноправностью с англичанами, но судились бы своим собственным судом и могли бы совершенно свободно исповедывать свою веру. А за то Манассия Бен-Израэль обязывался объявить протектора, на основании своих каббалистических вычислений, давно жданным Мессией. Идея понравилась Кромвеллю, и он стал было хлопотать об этом в парламенте, но голландский посланник подготовил сильную оппозицию в палате общин, и проект этот потерпел фиаско.

Обратимся теперь к Рембрандту.

После смерти своей жены Саскии в 1642 году он уже не сдерживал своего насмешливого, склонного к сатире языка. К тому же разыгравшийся в это время скандал, сделавший его героем дня, окончательно вывел его из себя. Дело заключалось в том, что нянька его сына Тита, некая Герта Дирк, привлекла его к суду по обвинению в том, что он обезчестил ее, соблазнив ее обещанием вступить с нею в брак. Избегая скандала, Рембрандт предлагал ей пожизненную пенсию в 150 флоринов, лишь бы только она уехала из его дома и оставила его в покое, но Дирк предпочла довести дело до суда. Вскоре, однако, оказалось, что обвинительница страдала душевным расстройством, и в 1650 году была отправлена в сумасшедший дом в Гуде, где за ее содержание платил Рембрандт.

Городской совет, столь заботившийся о нравственности граждан, предписывавший даже меню для свадебных обедов, определявший максимум гостей, который приличествует принимать у себя гражданам и даже устанавливавший часъ обеда и часъ его окончания, был сильно раздражен против Рембрандта за этот скандал.

Несмотря на то что знаменитый художник был завален заказами и зарабатывал на наши деньги не менее 40—50 тысяч в год, он вечно испытывал денежные затруднения, так что, купив упомянутый выше дом, онъ даже в 1653 году, т.-е. через четырнадцать лет после этой покупки, еще не мог расплатиться за него. Причиной такого безденежья Рембрандта была,

-605-

с одной стороны, безудержная страсть к собиранию предметов искусства, за которые он платил бешеные деньги, а с другой—охватившая художника спекулятивная лихорадка, причинившая ему огромные убытки. Заразившись господствовавшим в Амстердаме стремлением обогатиться посредством торговли с заморскими странами, Рембрандт зафрахтовал несколько кораблей, нагрузил их товарами и отправил моремъ. Но корабли эти не то погибли от бури, не то были захвачены пиратами, которые свирепствовали въ Ламанше и у Гибралтара. Рембрандтъ, кажется, был склоненъ обвинять пиратов и поносил голландския власти за то, что онт не принимали никаких мер против этих разбойников—обстоятельство, еще большее обострявшее его отношения к городскому совету. От него отступились даже заседавшие в совете его друзья, Николай Тульп, бывший бургомистром, и его зять—Ян Сикс, портрет котораго Рембрандт нарисовалъ с таким искусством. А тут еще новый скандал и новый накладистый процесс. Вернувшийся откуда-то из плавания брат вышеупомянутой Дирк, Питер Дирк, по профессии корабельный плотник, наговорил Рембрандту дерзостей. В отместку Рембрандт потребовал, чтобы Дирк вернул ему ту сумму, которую он заплатил за содержание его душевнобольной сестры. Так как плотник, конечно, не располагал такими средствами, то Рембрандт добился судом того, что Дирк, как неисправный должник, былъ заключен в тюрьму, увеличив собою и без того большое число врагов художника.

На него начинается целый ряд нападений со стороны родственников его покойной жены—суровых правоверных кальвинистов, хлопотавшихъ якобы только о том, чтобы сохранить состояние Рембрандта для его сына Тита. А когда эти нападения не удаются, они составляют целый заговор против Рембрандта, причем погубить неосторожного художника оказалось тем легче, что в это время в Голландии пошли большие строгости против религиознаго свободомыслия и было официально запрещено затрагивать письменно или устно некоторыя в то время жгучие темы. Так, нельзя было разсуждать о вращении земли вокруг солнца, о существовании Бога, нельзя было употреблять некоторыя философские термины. Само собою разумеется, было поднято гонение и на философскую систему Декарта. Одной из первых жертв этих строгостей сделался Спиноза, котораго евреи поспешили отлучит от своего

общества. Острые этих запретительных меръ было направлено и на Рембрандта, открыто перешедшаго к этому времени в лагерь **меннонитов**.

Отыскивали каких-то трех небольших кредиторов художника, которые неожиданно потребовали уплаты долгов. Рембрандт в это время работаль с ожесточениемъ по заказу гильдии хирургов, написалъ свой «Урок анатомии», потом портретьноваго инспектора медицинскаго колледжа Арнольда Толинкса, начал писать «Иакова, благословляющаго сыновей Иосифа» и «Иоанна Крестителя» и некоторыя другия большия полотна. Несмотря на то, что в это время он зарабатывал огромныя деньги, в моментъ предъявления ему к оплате денежных обязательств наличных средствъ у него не нашлось. По проискам врагов, мстившихъ ему за его переход к меннонитам, суд объявил его несостоятельным должником, и его дом, имущество и все коллекции,

-606-

которые он собираль с такой любовью, пошли за безценок с аукциона.

Рембрандт был раззорен.

После постигшаго его удара великий художник замкнулся въсебе и тихо и скромно прожил еще тринадцать лет, скончавшись 8-го октября 1669 года.

Проклятый синагогой и изгнанный ею из Амстердама, Спиноза удалился в Гаагу, где добывал себе средства к существованию шлифовкою оптических стекол и умер от чахотки 21-го февраля 1677 года.

Странные события, которые приходится наблюдать в истории народов, долго бывших под опекою и наконец вырвавшихся на свободу,—говорить Копсье,—можно уподобить подводным волнам, которыя опрокидывают корабли, когда море, казалось бы, не шелохнется. Амстердам не могъ избежать этой жертвы за свободу мысли, и Рембрандт и Спиноза оба пострадали за нее в том самом городе, который через десят летъ после этого первый будет прославлять свободу религиозной совести и провозгласит девиз: «В свободном государстве должно быть позволено каждому имет и высказывать такое мнение, какое он желает».

-607-